

В диссертационный совет Д.002.009.04 при
Федеральном государственном бюджетном
учреждении науки Институт экономики
Российской Академии наук (ИЭ РАН)

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию Диденко Дмитрия Валерьевича
«Человеческий капитал как фактор развития российской
интеллектуалоемкой экономики в компаративном
контексте (историко-экономический анализ)»,
представленную на соискание учёной степени доктора
экономических наук по специальности 08.00.01 –
экономическая теория

Актуальность исследования. Представленная диссертация написана на **крайне актуальную тему** – даже более актуальную, чем представляет себе сам диссертант. Дело не только в том, что уже в XX веке «заметно возросла роль воплощенных в человеке навыков и способностей как производственного ресурса и источника социально-экономического развития», как справедливо пишет автор во введении к работе (с. 6). Актуальность представленного Д.В. Диденко исследования обусловлена прежде всего тем, что основная проблема сегодняшней России, а также многих других стран постсоветского пространства, Латинской Америки и Азии – не экономическая (при всей остроте и важности собственно экономических проблем!), а социальная. Соответственно одна из главных задач всех исследований, касающихся возможностей и перспектив модернизации России, как, впрочем, и всех стран, попавших в так называемую ловушку среднего уровня развития, заключается в том, чтобы выявить человеческий потенциал и субъектов назревших перемен. Эта проблема приобретает особую остроту в свете углубляющегося в России системного кризиса и становящейся всё более вероятной смены правящего в стране режима.

Сегодня, когда Россия и ряд стран из числа бывших республик СССР, новые восходящие страны типа Бразилии, Аргентины, Малайзии и даже Китай подошли к порогу новых реформ, нового этапа модернизации, очень важно, во-первых, оценить, как с качественной, так и с количественной точки зрения, упомянутый потенциал преобразований. Во-вторых, необходимо осмыслить достижения и неудачи предыдущих реформ, включая перестройку 1985-1991 гг. в СССР. На решение этих масштабных теоретических задач по существу и направлена представленная диссертация, что придаёт её особую актуальность.

Новизна исследования, как отмечает сам диссертант, «заключается в том, что впервые в литературе в явном виде сформулирован вопрос о долгосрочных тенденциях развития отечественной интеллектуалоемкой экономики в глобальной хозяйственной системе, месте и роли в данном процессе человеческого капитала, измеряемого различными показателями.

В результате решена важная научная проблема – сформировано целостное понимание роли человеческого капитала в российском экономическом развитии в общемировом контексте, восполнен дефицит исторической информации, касающейся его количественных и качественных характеристик, и определены перспективные тенденции развития институтов российской интеллектуалоемкой экономики на основе комплексного обобщения мирового и национального исторического опыта в категориях современной экономической теории.» (с. 17-18).

Кроме того, введено в научный оборот понятие «интеллектуалоемкость экономики», одновременно даны качественные и количественные характеристики этого понятия.

Проблемы России и бывшего СССР рассматриваются диссертантом в мировом контексте, т.е. так, как они и должны рассматриваться, учитывая специфическую зависимость развития России от внешних факторов, что совершенно не характерно для подавляющего большинства исследований, посвящённых России.

В диссертации проведён очень важный анализ соотношения между накопленными объёмами физического (материального) и человеческого капитала.

Предложен новый подход к изучению процесса модернизации, а тем самым и к проблеме преодоления периферийности отсталых стран – с точки зрения повышения интеллектуалоемкости экономики (с. 22-26 и глава 1).

Проблема социально-экономического неравенства рассмотрена под углом зрения динамики человеческого капитала, а не просто как проблема распределения доходов.

В диссертации представлены оценки динамики современного социально-экономического неравенства в России, в том числе в будущей перспективе. Сделан важный вывод о долгосрочном характере неравенства в стране. В то же время намечен конкретный путь сокращения этого неравенства – через развитие здравоохранения и повышение его доступности для широких слоёв населения (с. 135-136).

В диссертации представлены количественные оценки объёма человеческого капитала в России за длительный период времени (с 1920-х гг. по 2000-е гг.). При этом динамика человеческого капитала рассматривается в связи с его качественными характеристиками.

Всё это позволяет расценивать диссертацию Д.В. Диденко как завершённую и новаторскую научную работу, обозначающую формирование нового направления в российской науке.

В целом сформулированные в диссертации положения и выводы обоснованы и подкреплены солидной статистической базой с использованием аппарата математической статистики для её анализа. В тех случаях, когда автор сомневается в достоверности тех или иных статистических данных или их сопоставимости за ряд лет (особенно это касается старых данных, которые получались по иным, нежели нынешние, методикам учёта), он специально оговаривает это обстоятельство, что придаёт его рассуждениям ещё большую достоверность.

Возможные пути практического использования результатов исследования. В практическом плане результаты проведённого диссертантом исследования могут быть использованы, в первую очередь, при подготовке учебных курсов по социально-экономической истории России и бывшего СССР, а также курсов по институциональной экономике и экономике труда. Если бы в России, как и во всём мире, в университетах читались курсы по проблемам развития, то материал диссертации следовало бы использовать при подготовке этих курсов. Поскольку же такие курсы на практике читаются, в лучшем случае, в одном-двух местах, то это ограничивает практическую применимость материалов диссертации в учебном процессе внутри России. Учитывая ограниченную востребованность материалов диссертации в системе образования России, диссертанту следовало рассмотреть возможность подготовки курсов на английском языке для их чтения в зарубежных университетах, что могло бы способствовать повышению престижа российской науки в мире.

В свете углубления системного кризиса в России материалы диссертации, особенно её 3-й и 4-й глав, могут быть использованы для разработки средне- и долгосрочной стратегии развития страны патриотическими силами, ориентированными на модернизацию России. В то же время проведённый в диссертации анализ социального неравенства в России имеет большое значение для разработки конкретных программ социальной политики. В частности, как следует из этого анализа, основной упор должен быть сделан на здравоохранение – сферу, в которой социальное неравенство приняло нетерпимый характер.

О содержании работы.

По-своему весьма примечательным является то, что диссертант начинает рассматривать теоретические основы интеллектуальноёмкой экономики с анализа модернизационной парадигмы и содержания процессов модернизации в

социально-экономической сфере (с. 30-34). Тем самым он высказывает ценную и плодотворную идею о процессе модернизации как о процессе становления интеллектуалоёмкой экономики. Такой подход в целом соответствует неомарксистской концепции трёх крупных общественных формаций (первичной, или архаической, основанной на охоте и собирательстве, вторичной, или экономической, основанной на труде, и третичной, основанной на интеллектуальной, творческой деятельности) и концепциям постиндустриализма (Д. Белл, О. Тоффлер). При этом диссертант выделяет два основных типа модернизации, инновационный и догоняющий. Это соответствует делению, которое было принято ещё в классической теории модернизации: эндогенные, т.е. обусловленные внутренними факторами, имеющие собственные импульсы развития, и экзогенные, вызванные внешним воздействием или внешними вызовами. Термин «инновационная модель», используемый автором, представляется не совсем удачным, ибо инновационное развитие как устойчивая, неотъемлемая черта экономической системы становится характерным для капитализма на его позднеиндустриальной («фордистско-кейнсианской») стадии, когда возрастает роль человеческого капитала. Тот же тип модернизации, который имеет в виду автор в данном случае, начал складываться в раннебуржуазную эпоху и обеспечил впоследствии начало индустриальной революции, для которой как раз характерно господство материальных, физических элементов капитала над трудом и человеческой деятельностью. Это обстоятельство, однако, не отменяло эндогенности («органичности») данного процесса по отношению к породившему его обществу.

Представленный диссертантом в 1-й главе детальный обзор теории человеческого капитала и ее эволюции имеет большое значение и как составная часть работы, и как самостоятельный раздел (с. 38-57). Очень важно, что этот обзор дополнен в той же главе концепцией человеческого развития, которая сегодня так или иначе выдвигается в центр всей теории социально-экономического развития (с. 57-63). В целом предпринятая диссертантом попытка соединить в единое целое теории человеческого капитала, человеческого развития и постиндустриального общества является важным вкладом в разработку общей теории модернизации и позволяет, в частности, полнее оценить человеческий потенциал социально-экономического развития России и глобальный контекст этого развития.

Подчеркивая, что на раннеиндустриальной стадии развития физические элементы капитала преобладали над человеческим капиталом, диссертант во 2-й главе напоминает, что индустриальная революция была бы невозможна без минимально необходимого распространения грамотности населения, без элементарного образования хотя бы части тружеников (с. 92 и след.). В связи с

этим заслуживает внимания используемое в диссертации понятие «образовательная модернизация» (с. 97-100).

Представляет большой интерес проведённый диссертантом анализ динамики основных компонентов индекса человеческого развития (ИЧР) в зависимости от неравенства их распределения (с. 127-133, 351, 357-358 (приложения 8 и 12)), а также анализ соответствующих данных по ИЧР в России (с. 133-138).

Подлинным украшением всей работы является 3-я глава диссертации («Накопление человеческого капитала и экономическое развитие в странах бывшего СССР: периоды централизованного управления и перехода к рыночной экономике»), опирающаяся на солидную статистическую базу и анализ достоверности статданных за продолжительный период времени. Эта глава, в частности, содержит огромное количество сведений, опровергающих примитивные, как «просоветские», так и «антисоветские», оценки советской системы. Как недвусмысленно следует из всего материала главы, советская система представляла собой «русский путь» модернизации, которая по ряду важных параметров, хотя и не всех, соответствовала тенденциям мирового развития начала и середины XX века.

Важное значение для теории и практики имеет фактически сформулированное диссертантом в 4-й главе противоречие между задачами инновационного развития (постиндустриальной модернизацией) и задачами модернизации позднеиндустриальной, догоняющей. Разумеется, это противоречие отражает крайне противоречивую реальность российской действительности (с. 233-236). Стоит выделить следующие слова автора, в которых он по существу формулирует данное противоречие: «Специфика современной российской ситуации заключается в сочетании постиндустриальных вызовов со стороны глобальной среды с незавершенностью индустриального развития, институциональной и технологической многоукладностью национальной экономики. Это имеет следствием необходимость значительного сокращения отставания от экономически развитых стран как в традиционных отраслях индустриальной экономики, так и в современных отраслях интеллектуального производства» (с. 233-234).

В диссертации выявлены объективные пределы инновационного развития в этой действительности и в то же время делается обоснованный вывод, что «вследствие сильной исторической инерции («эффект колеи») и слабости факторов, способных быстро ее преодолеть, в ближайшей перспективе задачи догоняющего развития скорее всего будут иметь приоритет перед собственно инновационными» (с. 237).

Следует отметить, что автор диссертации убедительно, с использованием достоверных статистических данных показал процесс периферизации (т.е. скатывания к мировой периферии) России по торговле интеллектуальными товарами и услугами – несмотря на увеличение их экспорта из России в абсолютных объёмах (с.с. 240-242), а также – в плане качественного уровня образования (с. 250).

Вместе с тем диссертант убедительно показал, что продолжающийся процесс образовательной модернизации открывает «возможность ускоренного экономического развития российской экономики по инновационной модели в долгосрочной перспективе» (с.254). Однако «недостаточность других условий, необходимых для постиндустриального инновационного развития, пока не позволяет оптимистически оценивать вероятность его успешной реализации» (с. 255). Речь идёт, более того, о значительных препятствиях «к эффективному использованию данного потенциала для осуществления постиндустриальной модернизации» (там же). Автор совершенно справедливо обращает внимание на снижение качества высшего образования в стране и невостребованность глубоких, подлинно профессиональных знаний в российской экономике, что связано с упрощением структуры этой экономики и её перекосом в пользу экспортно-сырьевой модели (с.с. 256-258).

Представленные диссертантом в «Заключении» выводы обоснованы, опираются на материал диссертации и коррелируются с ним.

В то же время, отмечая бесспорные достоинства диссертации и её высокий научный уровень, следует обратить внимание на **ряд серьёзных недостатков** представленного Д.В. Диденко исследования.

1) Трудно признать миросистемный анализ, разработанный И. Валлерстайном, одним из направлений модернизационной парадигмы, как утверждает диссертант (с. 32-33). Модернизационная парадигма даже в своём структуралистском (СЕПАЛовском) варианте, который исходил из изначального деления мир-системы на центр и периферию (Р. Пребиш, С. Фуртаду, А. Пинто, О. Сункель, А. Агилар Монтеверде, Р. Мауру Марини), что сближало её с миросистемным анализом, признавала принципиальную возможность и необходимость преодоления периферийности путём модернизации, либо через импортозамещающую индустриализацию (Р. Пребиш, С. Фуртаду), либо и вовсе путём «социалистической» революции и выхода из мировой капиталистической системы (Р. Мауру Марини, Т. дос Сантус). Для Валлерстайна же такая возможность существовала лишь абстрактно, как «приглашение к развитию», как результат «милости» и особого «благоволения» центра к «избранным» представителям периферии (случай восточноазиатских «тигров»). В отличие от сторонников модернизационной парадигмы, включая представителей её

умеренного, реформистского направления, Валлерстайн по существу исключал промышленную политику, как и политику социального развития, включая образование, из арсенала средств преодоления периферийности.

2) Является, по меньшей мере, спорным утверждение автора о долгосрочной тенденции неравенства доходов в мировом масштабе к сокращению (с. 110). При этом сам диссертант, рассматривая известную «кривую С. Кузнецца», отмечает, «что использованная С.Кузнецом эмпирическая база ограничивалась экономикой отдельных западноевропейских стран и США. Это был исторически частный случай перевернутой U-образной динамики неравенства, связанный с инновационной системной трансформацией и ее последующими результатами» (с.109). К сказанному следует добавить, что Кузнец предложил свою гипотезу в 1955 г. – в период расцвета фордистско-кейнсианской модели, опиравшейся на массовое поточно-конвейерное производство для массового потребления с «государством благосостояния». Эта модель могла эффективно функционировать при расширении рынков и росте эффективного спроса, что предполагало, в свою очередь, уменьшение неравенства в доходах. Нужно учитывать также и глобальный контекст, в котором разворачивалась в то время отмеченная Кузнецом тенденция к сокращению неравенства: это существование и борьба двух индустриальных систем, двух моделей развития, одна из которых, советская, эгалитаристская выглядела как некая альтернатива капитализму. Её существование и успешное, как тогда казалось, развитие побуждало правящие круги в странах Запада к проведению социальных реформ, чтобы предотвратить рост левых настроений среди трудящихся. Косвенно это признаёт и сам диссертант, ссылаясь на Кузнецца (с. 112-113), ставя, таким образом, под сомнение отстаиваемую им универсальность гипотезы последнего.

В целом же рассуждения автора о «кривой Кузнецца» как бы «провисают» по отношению к основной линии диссертации и являются лишними для исследования.

3) Факт некоторого сокращения неравенства доходов в России (что само по себе является весьма спорным утверждением), отмеченный автором (с. 119), никак не связывается им с патерналистской политикой государства, распределявшего нефтегазовую ренту в условиях благоприятной конъюнктуры на нефтяных рынках. Приводимые диссертантом полиномиальные функции показателя неравенства доходов (сс. 109, 121-122) лишь придают работе наукообразный характер, но на самом деле не имеют никакого смысла. Непонятно, как можно подсчитать с помощью таких функций показатель неравенства доходов (коэффициент Джини, коэффициент Тейла, децильный коэффициент?), если не указаны значения аргумента X (это некий абстрактный «уровень развития страны», и непонятно, опять-таки, в чём он выражен). Неясно

также, как определяются значения констант a и b (как они вычисляются? Эмпирическим путём?).

4) Отмечая роль динамики человеческого капитала в изменении неравенства доходов, диссертант на протяжении всей (!) 2-й главы полностью игнорирует изначально существовавшее неравенство в распределении накопленного материального богатства и физических (материальных) элементов капитала. На самом деле это последнее неравенство «на выходе» из раннеиндустриального капитализма (конец XIX – первая треть XX вв.) играло огромную роль в неравенстве доходов и в накоплении человеческого капитала. Оно по-прежнему имеет огромное значение в современном мире, особенно в странах догоняющей модернизации, включая Китай и Индию, где неравенство увеличивается при существенном сокращении бедности как таковой. Далеко не всегда и не во всех странах «высокий уровень дифференциации доходов создает стимулы для крупных инвестиций в человеческий капитал, адекватный изменившейся структуре спроса, и обеспечения высоких темпов экономического роста в будущем» (с.123), как утверждается в диссертации.

5) Диссертант обращает внимание на те факторы формирования человеческого капитала, которые фиксируются статистикой: расходы на образование, здравоохранение, научные исследования и т.п. Но при этом остаётся неясным, какова роль потребления домашних хозяйств в формировании человеческого капитала: роль труда родителей по воспитанию детей, усилий самих детей по освоению школьной программы, роль усилий по поддержанию «спортивной формы» и детей, и самих взрослых, и т.д. Можно ли найти денежное выражение этих индивидуальных затрат? Разумеется, провести количественную оценку этого аспекта формирования человеческого капитала очень не просто, но необходимо было отметить в работе, по крайней мере, его качественную сторону.

6) В 3-й главе игнорируется факт существования внутренней центро-периферической структуры общества и экономики в поздний советский период – и в России, и в СССР в целом. Эта структура была обусловлена гипер-милитаризацией экономики (а гипер-милитаризация – единственный способ существования и реализации командно-административной системы с централизованным планированием!), которая оттягивала *качественные ресурсы* от развития гражданских отраслей (Ю.В. Яременко). Обратной стороной этой гипер-милитаризации являлась бедность большей части населения СССР, в т.ч. и тех социально-профессиональных групп, которые обладали высоким уровнем образования. В целом бедные составляли примерно 30-35 % населения СССР, если считать по критериям бедности, которые были установлены для латиноамериканских стран СЕПАЛ (Экономической комиссией ООН по Латинской

Америке и Карибскому бассейну). Согласно этим критериям, семья является бедной, если её расходы на питание составляют 50 и более процентов всех текущих расходов. Именно бедность и низкий уровень личного потребления являлись – наряду с известными институциональными факторами – главными препятствиями, которые не позволили Советскому Союзу реализовать свой научно-технологический, интеллектуальный потенциал и переступить порог научно-технологической революции.

Позже, на рубеже 1980-90-х гг., указанная дуалистическая (центро-периферическая) структура общества и экономики повлияли на ход рыночных реформ и формирование олигархической системы в постсоветской России.

7) Вполне обоснованные и аргументированные рассуждения диссертанта о противоречии между задачами инновационного развития и догоняющей модернизации в России не подкреплены соответствующим анализом степени социально-экономической и технологической отсталости страны, размеров бедности (включая самое обыкновенное недоедание среди значительной части населения), деградации целых территорий. Соответственно не выявлен масштаб проблем, которые должны быть решены в ходе догоняющей модернизации. Наконец, не определён социальный субъект, способный осуществить требуемые перемены (выдержать «гонку со временем», как выражался классик теории модернизации А. Гершенкрон). Вряд ли можно считать таковыми нынешнее российское государство и олигархические, монополистические структуры, контролирующие большую часть российской экономики и финансовых потоков. Автор вскользь упоминает такое препятствие для модернизации как оппортунистическая ориентация «хозяйственного поведения на извлечение криминальной и административной ренты» (с. 236), не говоря ничего о глобальной задаче де-криминализации государства и общества в России.

Явно недооценивая масштабы и глубину социальной деградации и маргинализации в России, диссертант ничего не говорит о возможности улучшения качества совокупного человеческого капитала путём элементарного перераспределения доходов через прогрессивное налогообложение, хотя сама по себе такая мера в долгосрочной перспективе не является эффективной.

Автор прав, подчеркивая роль образования не только в инновационной, постиндустриальной модернизации, но и в модернизации догоняющей, имитирующей чужие достижения, к тому же не самые новые. Но возникает вопрос: могут ли при нынешних масштабах бедности и социальной деградации массы детей из бедных семей, часто сирот при здравствующих родителях (а в России большую часть бедных составляют семьи с детьми при работающих родителях) освоить школьную программу? С этой проблемой уже столкнулись некоторые быстро развивавшиеся до недавнего времени страны, в частности Бразилия, где

